

Т.Б. Смирнова

Особенности развития обрядности в диаспоре (на примере свадебных обрядов немцев Сибири)

Немцы, проживающие в Сибири, являются носителями своеобразной, уникальной культуры. Значительное влияние на ее формирование оказали миграции. В течение достаточно короткого промежутка времени (в 200–240 лет), с момента переселения немцев в Россию, они меняли место своего обитания неоднократно и, оказавшись в конце концов в Сибири, продемонстрировали великолепные адаптивные свойства национальных культурных форм. В культуре немцев Сибири органично сочетаются традиции, существовавшие еще в германских землях, и традиции, сформировавшиеся в немецких колониях европейской части России до переселения в Сибирь. То, что в Сибири немцы проживали в непосредственной близости и общались не только с русскими, но и с казахами, украинцами, эстонцами и другими народами, привело к взаимному проникновению многих элементов в различных сферах культуры.

В условиях миграций на большие расстояния и при длительном существовании диаспоры в новых условиях и в инонациональном окружении воспроизводство культуры в целом и ее обрядовой сферы в частности имеет свои особенности. Наиболее выраженными являются такие особенности, как длительное сохранение, консервация в культуре архаичных черт и элементов (многие из которых на «исторической родине» уже исчезли), высокая степень вариативности обрядности, большое количество заимствований. Показательным примером развития этих особенностей в обрядовой сфере является свадебная обрядность.

Реконструкция и анализ свадебных обрядов у немцев Сибири были выполнены на основе материалов этнографических экспедиций, проводившихся сотрудниками кафедры этнографии и музееведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Всего начиная с 1989 г. в местах компактного проживания немцев в Алтайском крае, Омской и Новосибирской областях было проведено 16 историко-этнографических экспедиций.

У немцев Сибири, как и у большинства других народов, весь комплекс свадебной обрядности можно разделить на три части: досвадебные обряды и обычаи, собственно свадьба и послесвадебные обряды. В прошлом досвадебные обряды и обычаи играли значительную роль. Общество делилось на замкнутые сословные группы, общение между девушками и юношами было ограничено строгими семейными и общинными установками. Смысл досвадебных обы-

чаев заключался в достижении согласия на брак обеих сторон и в урегулировании экономических вопросов будущей семьи. Активную роль в деле заключения брака играла и продолжает играть община. До настоящего времени в религиозных общинах баптистов и меннонитов требуется согласие всей общины на заключение брака между ее членами.

Брачный возраст традиционно составлял в среднем у девушек 18–20 лет, у юношей – 20–26 лет, но существовали варианты: в некоторых местах брачный возраст снижался до 16 лет, а у волынских немцев считалось, что жена должна быть старше мужа. До середины XX в. соблюдался порядок очередности выдачи дочерей замуж.

Свадьба носила договорной характер. Согласие родителей на брак было обязательным, а они придерживались, прежде всего, материальных соображений. Стремление сохранить землю и имущество в рамках семьи приводило к тому, что нередко в брак вступали родственники, хотя церковью такие браки не одобрялись. Строгие запреты существовали только на браки между близкими родственниками: родителями и детьми, крестными родителями и детьми, родными братьями и сестрами. Между двоюродными братьями и сестрами браки разрешались (за исключением некоторых религиозных общин). Не только экономические причины способствовали возникновению эндогамных барьеров у немцев Сибири на рубеже XIX–XX вв. Среди причин, способствовавших возникновению локальной эндогамной замкнутости, следует назвать также языковую и религиозную пестроту немецких переселенцев в Сибирь. Немецкие переселенцы говорили на разных диалектах и зачастую жители близлежащих деревень не понимали друг друга. Поэтому языковой барьер также способствовал возникновению эндогамии немецких переселенческих групп.

В прошлом нежелательными были браки с людьми другой веры и национальности, особенно у меннонитов. Парни в основном выбирали жену в своей или соседней деревне. Так, жители с. Баронск Верх-Суевского района Алтайского края брали невест в основном из д. Михайловки и Сосново [1, л. 25]. Жители с. Цветнополье Азовского района Омской области часто женились на девушках из соседней деревни Роза Долина [2, л. 48]. По полевым материалам четко выделяются брачные связи меннонитов. Например, если молодой человек из с. Солнцевки не мог найти себе подходящую кандидатуру в жены в

своей деревне или в соседних менонитских деревнях (Маргенау, Аполлоновка), он искал ее в Хортицах или в Неудачино, находящихся от Солнцевки в нескольких сотнях километров, или вовсе на Алтае – в Гришковке, например, но только не в соседней Петровке, потому что в Петровке живут лютеране. Эти брачные связи, основанные на конфессиональной принадлежности, были очень прочными вплоть до 1990-х гг.

У католиков и лютеран этот принцип соблюдался не столь жестко. Если парню приглянулась девушка из дальней деревни, то ее жители могли взять большой выкуп за «свою» невесту. Если девушка принадлежала к иной конфессии, религиозная община могла потребовать, чтобы она перешла в веру мужа. Бытовало мнение, что «выходить надо за равного». В настоящее время ни религия, ни национальность не играют при вступлении в брак решающего значения. Более половины браков, заключаемых сегодня немцами Сибири, – это национально-смешанные браки, в основном с русскими и украинцами. Старики, однако, относятся к таким бракам с недоверием, говорят, что «две души на одной подушке нехороши» [3, л. 27].

На наш взгляд, именно эндогамные барьеры, существовавшие между разными группами немецких мигрантов вплоть до 1940-х гг. (а у меннонитов, одним из основных принципов которых было «сохранение в чистоте веры», – гораздо дольше), способствовали сохранению большого количества локальных вариантов свадебного обряда.

В прежние времена родители могли устроить свадьбу своих детей, даже не поинтересовавшись их мнением. Но чаще взаимные симпатии молодых людей учитывались. Инициативу при выборе пары проявляли мужчины, для девушки это считалось неприличным. Если парню нравилась девушка, то он мог дать ей понять об этом, поставив перед воротами березу или другое зеленое деревце (Maibaum). «Майбаум» или «майское дерево» можно считать одним из элементов свадебного обряда, символизация которого в качестве элемента именно немецкой свадьбы произошла достаточно поздно. При проведении первых экспедиций этот обычай был зафиксирован нами только у католиков. В последние годы «майское дерево» (любое зеленое дерево, украшенное лентами и цветами) стали устанавливать не только на свадьбе, но и при проведении других праздников. По-видимому, установка майского дерева, широко распространенная у многих народов Европы, имеет своей целью подчеркнуть европейское происхождение немецких обрядов и праздников в Сибири.

Следующим этапом досвадебных обрядов было сватовство. В настоящее время сватовство носит формальный характер, так как молодые люди сами решают свою судьбу. В традиционном обряде сватовство (Werbung, Freie) играло очень большую роль, так как оно заканчивалось принципиальным соглаше-

нием сторон на брак. С момента сватовства молодые люди официально считались женихом (Bräutigam) и невестой (Braut).

Зачастую заранее не было известно, будет ли принято предложение, с которым сваты пришли в дом невесты. Отказ же считался позором не только для самого жениха и его семьи, но и для сватов. На Алтае зафиксирован обычай «тайного сватовства». Тайком пробравшись к девушке, юноша спрашивал ее согласия на брак. И только после положительного ответа засылал сватов [4, л. 2, 5].

Решающая роль при сватовстве принадлежит свату (Freiersmann, Kuppelmann). Сватом мог быть любой знакомый или родственник жениха, главное, чтобы он был веселым и разговорчивым человеком. Сваты нарядно одевались, на рукавах у них были красные повязки или белые ленты с вышитой надписью «Freiersch». Сватали обычно в пятницу или субботу, в 12 часов дня. Сваты заходили в дом невесты, клали булки хлеба на стол и начинали беседу. Цель посещения чаще раскрывалась иносказательно. Сваты представлялись покупателями телки или охотниками, которые ищут утку для селезня. Говорят, что видели, как утка пролетала и упала на этот двор. У алтайских немцев принято было говорить следующую фразу: «Нам нужна служанка, мы узнали, что у вас есть такая, и мы хотим ее нанять». Речь могла идти о покупке «дома»: «Говорят, домик у вас продается» [1, л. 33]. Однако чаще всего произносилась следующая фраза: «У нас есть хороший бычок, а у вас здоровая телка, мы пришли ее купить». По правилам, родители невесты должны поупрямиться. Они говорят, что телка есть, но она больная и хромота, что пирог (Kuchen), который принесли сваты, такой твердый, что его можно топором рубить, и т.д. После недолгих препирательств стороны переходили к деловому разговору.

Сваты расхваливали жениха, его положительные качества и имущество и настаивали на свадьбе. Сваты не всегда сразу получали определенный ответ, существовали определенные приемы, которые этот ответ символизировали. Так, если родители невесты ставят на стол хлеб и соль, пироги и сыр – это означает согласие. Если выносят тыкву или бутерброды – сватов ждал отказ. Если сватов отправляют поколоть дрова или не дают прикурить, а просят самих зажечь спичку – свадьбе не бывать. Чаще всего в случае отказа сваты получали пустую корзину (Korb). Это означало пустые хлопоты. В случае отказа парень считался опозоренным. Деревенская молодежь часто бегала к дому невесты, чтобы подслушать переговоры. В случае отказа, особенно если сватались чужаки из другой деревни, неудачникам стелили дорожку соломой. Солома в противоположность живой зеленой траве означала неудачу, неприятности. Деревенские шутники могли забросить пустую корзину на печную трубу в доме жениха, и тогда над неудачным сватов-

ством потешалась вся деревня [4, л. 32]. Несмотря на существование некоторых местных вариантов, у большинства немцев Сибири именно пустая корзина стала символом неудавшегося сватовства.

При положительном решении сватовство заканчивалось застольем. Традиционными для сватовства блюдами были суп с капустой (Krautsuppe), куриная лапша (Nudelsuppe), пироги (Kuchen). За столом обсуждалась материальная сторона свадьбы: когда и где она будет проходить, кто будет нести расходы, каких поваров и музыкантов надо приглашать, где молодые будут жить после свадьбы, размер приданого и т.д.

Период между сватовством и свадьбой обычно составлял 3–4 недели. Наибольшее количество свадеб справлялось после уборки урожая, когда было много продуктов. Играть свадьбу можно было и в другое время года, например, зимой, сразу после Нового года. Можно было жениться весной (до посевной) или летом (до начала уборочной страды). Запрещено было играть свадьбы в пост перед Рождеством (Advent), в пост перед Пасхой (Fasten) или в период полевых работ.

За неделю до свадьбы приглашали гостей. Процедура приглашения имеет выраженные локальные особенности и также свидетельствует о консервации архаичных обычаев и придании некоторым из них (например, свадебному жезлу) значения этнических символов. Центральной фигурой становились специальные распорядители свадебного торжества (в разных местах они носят различные названия – Hochzeitsbitter, Hochzeitsvater, Brautdiener, Hochzeitslader). Они несли специальный свадебный жезл или посох, украшенный сверху цветами (Freierstock, Perstock). Каждый, кого приглашали на свадьбу, должен был завязать цветную ленту на посох. По количеству лент считали приглашенных гостей. У волыньских немцев распорядитель свадьбы приглашал гостей, сидя на лошади. Для этого случая была специально выученная лошадь, которая умела наклоняться и заходить в дом. Грива этой лошади была украшена цветами и лентами, на шее висели колокольчики. Браутдинер произносил специальное стихотворение, приглашенные прикалывали ему на грудь ленточку или платочек в знак того, что они придут на свадьбу [3, л. 27].

Традиция использования в обрядности коня имеет древние корни. Анализ этой традиции проводится в работе Ю.В. Ивановой-Бучатской, посвященной символам Северной Германии [5, с. 106–119]. Она упоминает о белом коне в качестве центральной фигуры в свадебных играх и представлениях в Мекленбурге и считает, что истоки этого обычая следует искать в западославянских землях. В некоторых районах Польши еще недавно в рождественской обрядности существовал обычай, который назывался «водить коня». Он заключался в том, что всадник въезжал на коне в избу, будил колокольчиками хозяев, произносил

приветственный стих. Ю.В. Иванова-Бучатская считает, что Северная Германия и западославянские земли составляют единый ареал распространения этой традиции, что обусловлено принадлежностью северных немцев и западных славян к одному хозяйственно-культурному типу, ведущее место в котором занимало коневодство. И в целом многие региональные особенности обрядности Северной Германии обусловлены «синкретизмом культуры древних германцев и славян в процессе их долгого взаимодействия» [5, с. 119].

Следует отметить широкое использование образа коня не только в обрядности, но и в других сферах культуры волыньских немцев – фольклоре, декоративно-прикладном искусстве. Поскольку подавляющее большинство немецких колоний на Волыни было основано выходцами из Пруссии и привисленских губерний Царства Польского, т.е. из районов славяно-германского пограничья, логично предположить перенесение традиций, связанных с образом коня, из этих районов на Волынь, а уже из волыньских колоний – в Сибирь.

Свадьбу обычно играли в субботу и воскресенье. У германцев традиционными свадебными днями считались четверг и пятница. Четверг (Donnerstag) был посвящен Богу грозы Донару, который являлся также покровителем свадеб. Название пятницы (Freitag) связано с древнегерманской богиней любви Фрейей (Freja) [6, с. 26]. Но церковь запретила устраивать свадьбы в пятницу, потому что в пятницу был распят Христос. Поэтому в религиозных общинах свадьбы празднуют один день – в воскресенье. Накануне, в субботу, устраивают «вечер подарков». Если свадьбу празднуют по народным обычаям, то гуляют 2–3 дня (субботу и воскресенье, в понедельник – «хвост» от свадьбы), а накануне свадьбы, в пятницу, устраивают полтерабенд.

Полтерабенд (*Polterabend* – буквально «вечер шума, грохота») – это вечер прощания с молодостью, еще один архаичный обычай, сохранившийся до наших дней. В прежние времена парни и девушки собирались отдельно в доме жениха и невесты. Но затем вечеринка стала совместной. Молодые люди собирались в доме невесты, приносили с собой угощение. Устраивались застолье, игры и танцы. Молодежь стремилась как можно больше шуметь, отсюда и название «шумный вечер».

С грохотом били «на счастье» посуду. Чем больше шума, чем больше битой посуды, тем больше счастья будет молодым. Для этой цели гости нередко заранее собирали старую треснувшую посуду, чтобы в полтерабенд наколотить ее побольше. Невеста и жених должны были одновременно подбирать черепки. В этот вечер гостям показывали приданое невесты. В приданое обычно входили постельные принадлежности, белье, одежда, посуда, мебель, скот. Бывали такие случаи, когда девушка, не отличающаяся при-

лежанием, но желающая продемонстрировать положительные качества будущим родственникам, брала в приданое часть вещей взаймы у подруг. Но она могла нарваться на ответную хитрость: некоторые женихи, чтобы показать свою состоятельность, брали взаймы у соседей скот [7, л. 51]. Такие случаи, правда, были очень редки. Ведь браки заключались, как правило, в очень ограниченной среде, внутри одной общины, где все друг друга знали.

В день перед свадьбой дом жениха и дом невесты украшали зеленью и цветами. Девушки плели веночки из цветов, которые развешивали повсюду. Если свадьба проходила осенью, то комнату украшали снопами из пшеницы и фигурками зверей, вырезанными из картофеля.

Обычно свадебное торжество проходило в доме жениха. Однако у волынских немцев было принято играть свадьбу в доме невесты. Они объясняют это тем, что свадьба должна играть в том доме, где проходило сватовство, так как свадьба является продолжением сватовства. К тому же дом к свадьбе должен быть чисто убран и украшен, а это обязанность женщины, и невеста должна показать себя хорошей хозяйкой. Так как большинство свадеб игралось в теплое время года, свадебные столы могли быть накрыты во дворе, на свежем воздухе.

В подготовке к свадьбе принимали участие и родственники, и друзья, и соседи. Если в брак вступали члены религиозной общины, то община помогала молодым материально, молодежь готовила сообща поздравления, театрализованное представление. Большая часть свадебного ритуала проходила в молитвенном доме. Если свадьба проходила по народным обычаям, то почти все жители деревни принимали участие в приготовлениях. Они приносили столы и скамьи, посуду. Помогали и продуктами, особенно родственники. Если учесть, что в старых деревнях в прежние времена почти все жители находились между собой в близком или дальнем родстве, то можно сказать, что свадьба являлась праздником всей деревни. Следует подчеркнуть длительное сохранение этого характерного для немцев понимания свадьбы как коллективного, общинного мероприятия, а не только семейного праздника. У меннонитов, например, существовал обычай коллективной выпечки хлеба. Накануне свадьбы невеста замешивала сдобное тесто, которое жених разносил по домам гостей. На свадьбу гости приходили с выпеченным хлебом, булочками [1, л. 1].

Время начала свадебного обряда – 10–11 часов дня – также определялось традицией. С древних времен было принято начинать свадьбу до полудня, на подъеме солнца. Об этом говорит и само немецкое название свадьбы «Hochzeit», что буквально означает «высокое время». Считалось, что любое большое дело, в том числе и свадьба, начатое в то

время, когда солнце начинает клониться к закату, не будет иметь успеха.

В качестве наиболее ярких символов немецкого свадебного обряда выступают детали свадебного костюма жениха и невесты (венки и цветы), которые с незначительными изменениями сохраняются до настоящего времени, а также обрядовые действия, совершаемые с этими предметами.

Венок невесты (Rosenkranz) представлял собой высокую корону из цветов и листьев. Изготавливались цветы и листья из воска, парафина, цветной бумаги, которые крепились на проволочном каркасе. Для украшения венка использовались бусы, блестки и «кносп» – гроздь мелких шариков, для изготовления которых свиную щетину обмакивали в воск или парафин. Старинный венок состоял из трех частей: головной, наплечной и нагрудной. Изготавливали венки специальные мастерицы, которые были известны на всю округу и искусство которых высоко ценилось. Примерно в 1970-х гг. свадебные венки изготавливать перестали, потому что их стали продавать в магазинах для новобрачных, и постепенно покупные венки вытеснили изготовленные кустарным способом. Но и до настоящего времени венок из цветов является обязательным для немецкой невесты.

У жениха на левой стороне груди крепилось украшение «Strauss». Этот букет состоял из цветов, листьев и «кноспа», техника изготовления которых была аналогична технике изготовления венка. К букету крепилась лента светлого цвета, чаще белого. Раньше эта лента была очень длинной, концы ее должны были касаться земли. Считалось, что чем длиннее лента, тем продолжительнее будет совместная жизнь молодоженов. Из свадебной толпы выделялись своей одеждой и друзья жениха (Brautbursch), и подружки невесты (Brautmädchen). На головах у подружек были веночки, такие же, как у невесты, только меньше размером и без фаты. У друзей жениха на груди также крепились цветы и ленты, только меньших размеров.

До середины XX в. (в некоторых селах и позже) было принято выставлять с каждой стороны по шесть «свидетелей». Таким образом, шесть парней и шесть девушек образовывали шесть пар дружек, которые помогали «хозяину» вести свадьбу. Количество пар дружек с течением времени сократилось с шести до четырех, затем до двух. Сейчас жених и невеста имеют по одному свидетелю, а раньше число дружек с каждой стороны обязательно должно было быть четным. Для неженатых гостей заранее готовились красные ленточки или искусственные цветы, которые крепились к левой стороне груди. Так как свадьба часто являлась местом знакомства молодежи, по ним в толпе легко можно было определить холостых. Несмотря на некоторое упрощение, традиция маркировки с помощью специальных предметов отдельных участников свадебного обряда сохраняется до настоящего времени.

Свадебный жезл у распорядителя свадьбы, венки из цветов у невесты, цветки с лентами у жениха, цветы на груди у друзей, ленточки у неженатых гостей – все эти атрибуты, хотя и в несколько измененном виде, присутствуют на немецкой свадьбе и сегодня.

Свадебный жезл, украшенный цветами и лентами, распорядитель несет в руках, идя во главе свадебной процессии. Он поднимает его над головой, чтобы все видели, что это идет именно свадьба. Вообще, на свадьбе цветами и лентами украшалось все, что только можно: дом, где проходила свадьба, грива лошади и повозка (а сейчас – машина), которая везла молодых, ружья, из которых принято стрелять во время шествия свадебной процессии по деревне, веревку, которой молодым перегораживают дорогу. В доме, где проходила свадьба, цветами украшалось место, где сидели жених и невеста, и стулья, на которых они сидели.

Обряд бракосочетания совершался в церкви или молитвенном доме. В некоторых случаях священник или глава (старший брат) религиозной общины мог совершить венчание под деревом. В зависимости от конфессиональной принадлежности молодоженов существовали различные варианты ритуала бракосочетания, но практически все они включали в себя проповедь, торжественные песнопения, вопросы о согласии вступить в брак, поздравления. Обмен кольцами был принят только у католиков. Регулярный обмен обручальными (гладкими, в основном, золотыми) кольцами во время венчания был введен в католических землях по решениям Триентского собора, которое протестантское население не признало [6, с. 31]. Поэтому обмен кольцами во время бракосочетания среди немецкого населения Сибири стал широко практиковаться только с 60-х гг. XX в. под влиянием советских форм обрядности. Этот обычай можно считать инновацией в немецком свадебном обряде. В протестантских общинах молодожены кольцами не обмениваются до сих пор, считая золото, как и другие украшения, излишеством, злом.

Во время свадьбы всем распоряжается ее «хозяин» (Hausvater). Он рассаживает гостей, следит за тем, чтобы у всех были еда и выпивка, произносит речи и предоставляет слово приглашенным, устанавливает порядок дарения подарков, организывает танцы. Иногда выбирают «хозяйку» свадьбы, которая следит в основном за приготовлением и подачей блюд. Родители молодых сидят с краю, иногда для них устраивают отдельный стол. Во всяком случае, родители не играют какой-либо значительной роли в свадебном торжестве, руководит всем именно «хаусфатер».

Свадебное застолье сохраняет определенный набор обрядовых блюд. В целом на свадебный стол подают самые разнообразные кушанья. Чем всего больше, дороже, сытнее и вкуснее, тем лучше. Существует, однако, и обязательный набор свадебных блюд. Прежде всего, это хлеб (Brot). Хлеб лежит просто на столе

или в плетеной тарелке. Рядом с хлебом ставят соль. Много изделий из сдобного теста (Kuchen). Это пирог с посыпкой из масла и сахара (Riwekuchen), двойные булочки (Zweiback), пироги с ягодами.

Раньше на свадебном столе обязательно была каша (пшеничная, просяная, ячменная). Каша из зерен имела магическое значение, так как содержала в себе зародыши будущей жизни, что способствовало ее постоянному возрождению, круговороту [8, с. 164]. Во время проведения экспедиционных работ каша из зерен в качестве обрядового блюда была зафиксирована только в одном месте – в с. Новоскатовке Шербакульского района Омской области. Очевидно, что обычай употреблять зерновые каши уходит в прошлое.

В настоящее время вместо этого старинного блюда подают рисовую кашу с мясом. Мясных блюд на свадебном столе также много. Предпочтение отдают свинине, говядине, мясу птицы. Готовят жаркое (Proud). Блюда из свинины символизируют достаток и изобилие. Обязательно на свадьбе едят капусту, так как она является спутником долголетия и здоровья. Из напитков в начале XX в. на свадебный стол подавали только кисель и ячменный кофе. Позже их стали вытеснять компоты и натуральный кофе. Употребление алкогольных напитков зависело от конфессиональной принадлежности. К обрядовым свадебным блюдам можно отнести куриную лапшу (Nudelsuppe). Ее варят на второй день из куриц, которых приносят с собой гости. В прошлом существовал обычай, когда накануне свадьбы дружки крали кур у соседей. Это происходило в полтерабенд, когда украденных парнями кур девушки ощипывали и варили. Происходила совместная трапеза парней и девушек. Также в недавнем прошлом ряженые ходили во второй день свадьбы по дворам и собирали кур у тех, кто присутствовал на свадьбе. Курицу привязывали на длинный шест и ходили с ним по деревне, всячески дурачась. Обычай воровства кур, шествие ряженых с курицей по деревне и сам последний день свадьбы принято называть «свадебным хвостом» (Hochzeitschwanz). Дело в том, что свадьбу было принято заканчивать тогда, когда съедали последний куриный хвост [4, л. 23, 24].

Жених и невеста в начале застолья должны очень мало есть и вообще не пить спиртного. До начала одаривания молодых они не могли притрагиваться к еде, тарелки перед ними стояли пустыми или наполненными костями, стаканы были перевернуты, ложки были с отверстиями. И только после подарков им ставили нормальную посуду.

Порядок дарения в разных местах имел свои отличия. Часто его устанавливал распорядитель свадьбы или крестные родители. Иногда подарки начинали дарить после второй стопки или тогда, когда съедены первые блюда, отодвинуты столы и приготовлено место для танцев. Часто дарили подарки после того, как потанцуют с невестой. Деньги обычно прикалы-

вали булавкой к платью невесты. Традиционными подарками были также отрезки ткани, которые вешали на плечи невесты. Кроме того, дарили посуду, утварь, скот. Часто дарили молодым петуха и курицу. Все подарки и деньги подсчитывались, записывались, и этот список зачитывался гостям. В нескольких деревнях зафиксирован обычай дарить подарки в конце первого свадебного дня, во время снятия венка с невесты. Иногда одаривание молодых переносилось на второй день свадьбы для того, чтобы бедные люди, не имеющие денег, тоже могли погулять. У меннонитов, напротив, было принято дарить подарки накануне свадьбы, в «вечер дарения» [9, л. 47]. Однако чаще всего одаривание происходило в первый день во время застолья.

Застолье несколько раз прерывалось танцами. Танцевали под гармонию, баян. Музыкантов на свадьбе очень уважали. Состоятельные люди старались пригласить на свадьбу целый оркестр. Люди попроще в дополнение к гармошке использовали самодельные музыкальные инструменты: играли на ложках, стиральной доске, бутылках. Иногда встречались гитара, губная гармошка. Гармонист обычно располагался на возвышении, на стуле, который ставили на стол.

Центральной фигурой в танцах была невеста. Все хотели с ней потанцевать, но очередность соблюдал «хозяин» свадьбы. Обычно первые три вальса танцевали жених с невестой. Потом невесту приглашали крестные, сваты, дружки, а затем уже остальные гости. Все они прикалывали деньги к платью невесты. Право первого танца с невестой «хозяин» свадьбы мог оставить и за собой. Танцевали в основном вальс и польку. Много было танцев с высокими прыжками. Раньше существовал танец, во время которого жених стоял в кругу танцующих женщин, мужчины пытались вытащить его из круга, а женщины не пускали. Так же и невеста танцевала в кругу мужчин. Был также популярным танец типа хоровода, в котором участвовали неженатые парни и незамужние девушки. В центре хоровода находились жених и невеста с завязанными глазами. Кого они коснутся рукой во время танца, тот скоро женится или выйдет замуж. Ближе к вечеру, когда веселье было в полном разгаре, устраивали танцы на битой посуде, столах и скамейках. Под музыку с шумом и грохотом гости разбивали тарелки, танцую на них, прыгали по скамейкам и стульям, забирались на столы.

Кульминацией свадебного торжества являлся ритуал снятия венка с невесты (так называемый ритуал очепления). В этнографической литературе существует мнение, что в Германии в конце XIX – начале XX в. обычай очепления встречался уже очень редко [6, с. 36]. У немцев Сибири, однако, этот обычай повсеместно распространен до настоящего времени. Раньше после снятия венка на молодую было принято одевать чепец, про новобрачную говорили, что она «идет под чепец» (*kommt unter die Haube*), поэтому этот обычай

и получил название «очепление невесты». Постепенно, в течение первой половины XX в., немецкие женщины в Сибири перестали носить чепцы, вместо чепца стали использовать платок (в некоторых деревнях чепчик невесте одевали вплоть до 1970-х гг.), но сам ритуал фактически не изменился, порядок его следующий.

В полночь новобрачных сажают в центре комнаты на стулья. Гости становятся вокруг и поют песню о прекрасной молодости «*Schön ist die Jugend*». В д. Поповке Азовского района Омской области этот ритуал носит название «отпевание венка» [7, л. 3]. Раньше в разных деревнях при снятии венка пели разные песни, но постепенно песня «*Schön ist die Jugend*» стала наиболее популярной. Также в разных группах существовали разные варианты этой песни, но сейчас исполняют в основном тот вариант, который был распространен в среде поволжских немцев, поскольку он был собран и записан диалектологами, а впоследствии опубликован. Таким образом, песня о прекрасной молодости также стала символом, без нее сейчас не обходится ни одна немецкая свадьба.

Для иллюстрации положения о сохранении множества местных вариантов обрядности наиболее показательным является ритуал очепления. Он является обязательным, но, пожалуй, отличается наибольшей вариативностью среди других свадебных ритуалов. Свои варианты этого ритуала есть практически в каждой деревне. Возможно, что это связано с его значением, он занимает центральное место в свадебном обряде. Поэтому его проведение было четко регламентировано. Этот ритуал старались исполнить точно так же, как это делали раньше, соблюдая традиции. В случае смешанных браков придерживались правил той общины, в которой проводилась свадьба. Даже если свадьба проводилась в городе или брак заключался с людьми других национальностей, «немецкая сторона» все равно проводила этот ритуал. Этот факт подтверждает принципиальное значение ритуала очепления в структуре немецкой свадебной обрядности.

Общим является то, что с невесты снимают венок и повязывают ей голову платком. В большинстве случаев венок снимали женщины. Это могла быть крестная мать девушки или ее будущая свекровь, тетка невесты, лучшая подруга, молодая женщина из числа близких родственников, например, сестра. В некоторых деревнях венок снимает обязательно незамужняя девушка, а повязывает голову невесты платком замужняя женщина. Это может быть и та мастерица, которая изготавливала венок. В ряде деревень жених тоже проходит через обряд перехода из группы холостых в группу женатых мужчин. С его головы снимают шапку или кепку, а с лацкан пиджака – цветок. В этом случае венок с головы невесты снимает крестный отец, а букет жениха – крестная мать.

Венок кладут невесте на колени. Или его кладут на поднос (или в большую чашку), и с этим подносом молодая обходит гостей и они бросают туда деньги. Платок новобрачной может быть черного или белого цвета. Лютеране повязывают белые платки, баптисты и меннониты – черные, хотя четко эта закономерность не прослеживается. Волынские немцы, например, вплетали в волосы новобрачной еще и яркий бант. Словом, для ритуала очепления, существующего повсеместно, характерно наличие большого количества локальных вариантов.

Сразу после снятия венка следовали выборы новых жениха и невесты. Невеста должна была передать свой венок другой девушке, которая, по поверью, должна была скоро выйти замуж. Передавая венок другим девушкам, невеста как бы передавала им свою способность к замужеству. Во время свадьбы невесте полагается уже не заботиться о сохранении этой своей способности, а делиться ею с незамужними сестрами и подругами, чтобы они поскорее вышли замуж [10, с. 145]. Примеров таких магических действий можно привести много (касание невестой незамужних девушек во время танца, сидение на «невестином» стуле и др.), но самым ярким является, конечно, передача венка. В различных деревнях, как и при снятии венка, существовали варианты этого действия.

Например, в с. Александровке Азовского района Омской области у поволжских лютеран после снятия венка неженатые парни и незамужние девушки становились в круг, в центре которого находилась невеста. Молодежь начинала петь песню и водить хоровод. Невеста с закрытыми глазами и венком в руке шла в любую сторону. Тот, кому невеста протянет свой венок, по народному поверью, скоро женится или выйдет замуж [7, л. 4]. В с. Боронске Верх-Суетского района Алтайского края жених и невеста садились на стулья, стоящие спинками друг к другу. Глаза у них завязаны, на голове у жениха лежит шапка, у невесты – венок. Вокруг молодых незамужние девушки образуют хоровод, который движется по часовой стрелке. Второй ряд живого кольца образуют неженатые парни, которые идут в обратную сторону. Все держатся за руки и поют песню. Когда песня подходит к концу, жених и невеста встают и ловят парня и девушку. Молодым развязывают глаза, и после этого жених снимает с невесты венок и надевает его на голову пойманной девушке. Невеста надевает шапку на парня. Только после этого жениху надевают шляпу, невесте – платок и они считаются мужем и женой. Этот вариант был записан у поволжских немцев, лютеран по вероисповеданию [1, л. 25].

У кавказских и волынских немцев принято после снятия венка завязывать не платок, а бант, который также является символом замужества. Например, в с. Глядене Благовещенского района Алтайского края после того, как волосы невесте перевяжут лентой,

она кладет свой венок на поднос и с закрытыми глазами вручает его той девушке, которая первая попадет ей на пути [1, л. 38]. Часто жених разыгрывает между холостыми парнями цветок с лацкана пиджака. В с. Камышенке Табунского района Алтайского края невесту передевали в старое платье и старые туфли, а в д. Михайловке Верх-Суетского района Алтайского края жениху и невесте вместо их праздничной обуви надевали старые калоши. В таком виде они должны были танцевать [1, л. 8, 9].

Свадебный венок было принято хранить всю супружескую жизнь. Для него делали специальный деревянный ящик «кессе» со стеклянной передней крышкой, который ставился или вешался возле супружеской кровати. Венок раньше был символом невинности. Если невеста выходила замуж не девственной, на свадьбе гости могли сорвать с головы невесты венок и повязать ей черный платок. Это считалось большим позором, и свадьба после этого прекращалась. Женщины и вдовы, повторно выходящие замуж, никогда не надевали свадебный венок. Женщина могла надеть венок только на серебряную или золотую свадьбу, но фата к такому венку не крепилась. В настоящее время запрет на добрачную половую жизнь жестко соблюдают только члены общин меннонитов и баптистов. Сейчас венок на невесте – это уже не символ девственности, а скорее символ проведения свадьбы по немецким обычаям.

Таким образом, сохранение свадебного венка в качестве одного из основных атрибутов свадьбы и регламентированные обрядовые действия с ним, на наш взгляд, являются одним из убедительных примеров таких характерных для диаспорной группы особенностей воспроизводства культуры, как консервация архаики и символизация отдельных ее элементов. Ритуал снятия венка бытует до сегодняшнего дня, несмотря на то, что большинство браков, которые заключают сейчас немцы, – это национально-смешанные браки. Часто приходится слышать, что «свадьба была по-немецки, веночек снимали». Можно сказать, что для немцев Сибири снятие венка стало критерием «немецкой свадьбы».

Таким же критерием стали определенные действия, носящие архаичный характер, которые совершаются на второй день свадьбы и относятся уже к развлечениям и шуткам. Например, в д. Екатериновке Кулундинского района Алтайского края зафиксирован следующий обычай. Жениха привязывали к стулу, а невеста его брила. Ритуальное бритье, как и многие другие элементы свадебного обряда, имеет архаическое происхождение. В древности ритуальное бритье символизировало переход мужчины в другой социальный статус. По некоторым сведениям, бритье на свадьбе было первым в жизни мужчины, тех же, у которого борода еще не росла, брили символически. Под подбородком молодого держали платок или

полотенце, чтобы не растерять сбритые волосы, так как верили, что с их помощью можно околдовать жениха [11, с. 148]. В настоящее время переходный смысл этого ритуала утрачен, он превратился в своеобразную демонстрацию того, как молодая жена будет ухаживать за мужем.

Во второй день принято собирать для молодых мелкие деньги. Например, гости должны заплатить мелочью за вход на свадьбу. В с. Дегтярке Немецкого национального района Алтайского края пожилая женщина обходила гостей с тарелкой, на которую они бросали деньги, а потом ложкой разбивала эту тарелку. Молодые должны были собрать всю мелочь. Здесь же существовал обычай танцевать на столах с битыми тарелками [1, л. 6]. Бить посуду во второй день было принято и в с. Кузнецовке Баганского района Новосибирской области. Это делали в том случае, если невеста была девственницей. Тех, кто не хотел платить, мазали сажей (*Schwarz machen*) [4, л. 10].

Кульминацией второго свадебного дня является так называемая «вторая свадьба» (*zweite Hochzeit*). Разыгрывается целое представление, сценарий которого повторяет настоящую свадьбу, но в шуточном, как бы в перевернутом виде: парня наряжают невестой, а маленькую хрупкую девушку – женихом. Все одеваются в старые вещи, как можно нелепее. На голове у «второй невесты» (*zweite Braut*) – свадебный венок из прутьев, сорной травы или соломы. На ногах вместо свадебных туфель – огромные старые рваные башмаки или калоши. Лица ряженных закрыты тюлем, марлей или чулками. «Молодым» дарят шуточные подарки, старые, рваные или сломанные вещи, на столе перед ними стоят помои. Со «второй невестой» гости обычно не церемонятся: ее могут слегка поколотить, посмотреть, «все ли у нее в порядке, все ли на месте», говорят ей непристойности [2, л. 48]. В основе «второй свадьбы» лежит практика травестизма. Несмотря на то, что травестизм отмечен многократно у многих народов, однозначного объяснения этот обычай не имеет [8, с. 190]. Третий день свадьбы, который иногда также называют «свадебным хвостом», устраивается для поваров и для тех, обслуживав свадьбу.

Так как свадьба является началом новой семейной жизни, с ней связано множество народных примет, по которым определяют будущее молодой семьи. У немцев существует поговорка: «Как свадьбу проведешь, так всю жизнь и проживешь». Так, например, немцы считают, что если на свадьбе была драка, то это

плохая примета, если скандалов и драки не было, то молодые будут жить счастливо. Если на свадьбу идет дождь или снег, а тем более проходит гроза или буря, то жизнь молодых будет беспокойной и несчастливой. Напротив, хорошая погода в день свадьбы обещает безоблачное будущее. Если капли дождя упадут на венок невесты, то она всю жизнь будет лить слезы. Если на свадьбу молодым подарили много денег и подарков, то они всю жизнь будут жить в достатке. Если гости на свадьбе не напились и не наелись досыта, кто-то остался голодным, то семья молодоженов будет испытывать нужду. Чтобы этого не случилось, в трудные и голодные годы, когда накормить всех приглашенных было трудно, гости сами приносили с собой продукты.

Имеющийся этнографический материал позволяет констатировать тот факт, что свадебная обрядность немцев Сибири представляет собой достаточно сложное явление. Внутренняя логика развития и практически непрерывные миграции данной этнической общности в течение столетий привели к уникальному синтезу в свадебном обряде традиций и современных форм, исконно немецких и заимствованных элементов культуры, языческих и христианских представлений. В Германии развитие свадебной обрядности шло по пути унификации, стирания локальных черт, большего следования современной европейской моде. В Сибири же, где немцы продолжали жить более или менее замкнутыми общинами, в большей степени сохранялись и общинные традиции.

Разрушение общин, исчезновение моноэтнических поселений, которое произошло в результате обальной эмиграции, привели и к исчезновению многих традиций, и к исчезновению свадебного обряда как комплекса. В начале изучения немецкой обрядности, на рубеже 1980–1990-х гг., нами было зафиксировано в ней значительное количество архаичных элементов, бытовавших ранее в германских землях и не встречающихся в настоящее время. Это, очевидно, подтверждает тезис о консервации культурных элементов в диаспорах. В настоящее время этих элементов фиксируется значительно меньше, что связано в основном с изменением самой группы сибирских немцев. Наиболее явной тенденцией является снижение вариативности обрядности и выделение элементов, имеющих символическое значение для самих членов группы. Такие же тенденции были отмечены и при изучении других обрядов, как семейных, так и календарных.

Библиографический список

1. Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (МАЭ ОмГУ). – Ф. I. – Д. 174-1.
2. МАЭ ОмГУ. – Ф. I. – Д. 147-1.
3. МАЭ ОмГУ. – Ф. I. – Д. 179-5.
4. МАЭ ОмГУ. – Ф. I. – Д. 179-1.
5. Иванова-Бучатская, Ю.В. *Plattes Land: Символы Северной Германии (славяно-германский этнокультурный синтез в междуречье Эльбы и Одера)* / Ю.В. Иванова-Бучатская. – СПб., 2006.

Особенности развития обрядности в диаспоре

6. Брак у народов Западной и Южной Европы. – М., 1989.

7. МАЭ ОмГУ. – Ф. I. – Д. 83-2.

8. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. – М., 1983.

9. МАЭ ОмГУ. – Ф. I. – Д. 171-2.

10. Сурхаско, Ю.Ю. Семейные обряды и верования карел. Конец XIX–XX вв. / Ю.Ю. Сурхаско. – М., 1985.

11. Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. – М., 1988.